

Дамье Вадим. Портреты революционеров: Александр Беркман

2016, источник: [здесь](#).

"Это человек редкой на редкость целеустремленный и последовательный, один из тех, познакомиться с которым было счастьем. Я хотел бы, чтобы было больше таких людей, которые, как Беркман, борются с тиранией как таковой, а не становятся друзьями тирании, если та осуществляется их друзьями". Такими словами откликнулся в 1930 г. на 60-летие Александра Беркмана знаменитый философ и общественный деятель, гуманист Бертран Рассел (1).

Автор "Азбуки анархизма" Александр Беркман (настоящее имя – Овсей Осипович Беркман) родился в ноябре 1870 г. в городе Вильно, в Российской империи. Его отец, преуспевающий торговец кожей, благодаря своему богатству, смог выбраться из "черты оседлости", которая ограничивала районы проживания евреев в России, и поселился со своей женой и четырьмя детьми в Петербурге. Здесь мальчик пошел в гимназию и получил новое имя, более привычное для новой среды – Александр; близкие и друзья называли его "Саша". После смерти отца в 1882 г. семья Беркманов переехала в Ковно, где Саша продолжал учиться в гимназии. Уже в раннем возрасте он был знаком с литературой нигилистов и народников, знал об удачном покушении на царя, совершенном в 1881 г. народовольцами. Большое влияние на мальчика оказал брат его матери – знаменитый народник и будущий лидер эсеров Марк Натансон, ставший для него идеалом "благородного и великого человека". Из-за участия в революционном ученическом кружке и свободолюбивого поведения его

незадолго до 6 класса исключили из гимназии и занесли в "черный список", что лишало его возможности продолжать учебу. Он понял, что будущего у него в царской империи нет. Когда в 1887 г. умерла мать, Саша решил покинуть страну. Так в 1888 г. он оказался в Нью-Йорке, где примкнул к анархистским группам, созданным еврейскими, немецкими и русскими эмигрантами. Здесь он познакомился и с другой молодой анархисткой из России – Эммой Гольдман (2). Они стали друзьями и соратниками на всю жизнь. Иногда их связывала любовь, и всегда – самая близкая дружба.

"Он не привык столько работать и страдать, – вспоминала Эмма Гольдман о первых годах Беркмана в США, – На протяжении более чем года он сводил концы к концами на 5 – 7 центов в день. Он перепробовал различные профессии, работал на табачной фабрике, портным, наконец, научился ремеслу наборщика и начал работать в немецкой анархистской газете "Фрайхайт", редактором которой был Мост. Все это время Беркман изучал социальный вопрос, с политической и экономической точки зрения. Он всегда был эрудитом и был хорошо знаком с самыми разными научными исследованиями. Он стал анархистом, и весьма активным, то есть, выступал с лекциями, писал статьи и помогал движению в финансовом плане. Алекс Беркман был таким энтузиастом, что мог днями работать без еды, отдавая то, что он сэкономил таким образом, на нужды движения" (3).

Первоначально Саша и Эмма тесно сотрудничали с известным анархистом – эмигрировавшим из Германии Йоханном Мостом. Энергичный и деятельный пропагандист, великолепный оратор, Мост умел зажечь аудиторию своим словесным радикализмом. Он был ревностным адептом тактики индивидуальных покушений и вооруженной борьбы с государством и капиталом. Правда, слова Моста всегда оставались словами, что, в конце концов, побудило некоторых его последователей задаться вопросом: а насколько честен и искренен их учитель? К тому же Беркману претили деспотические манеры "лидера". Через несколько лет он и Эмма покинули группу Моста, который отказывался тогда признать принципы анархистского коммунизма, и примкнули к анархо-коммунистической группе Йозефа Пойкерта "Автономия". Тем не менее, Беркман был убежден, что с Мостом нужно продолжать сотрудничать.

Решающий поворот в жизни 22-летнего Саши произошел 23 июля 1892 г. В 2 часа дня, приехав в Питсбург, он явился в контору Генри Клея Фрика, управляющего сталелитейным предприятием концерна Карнеги, и тяжело ранил его тремя выстрелами из револьвера. Фрик был тем самым человеком, который организовал жестокое подавление рабочих – участников так называемой Хомстедской стачки. Чтобы расправиться с профсоюзом, управляющий спровоцировал работников на забастовку, урезав им зарплату, а затем выбросил их на улицу, объявив локаут. Когда бастующие начали пикетирование завода, Фрик вызвал 300 вооруженных детективов из агентства Пинкертона, и 6 июля 1892 г. те штурмовали завод, сломив отчаянное сопротивление рабочих. В ходе 12-часовой перестрелки погибли 9 рабочих и 7 агентов. События всколыхнули всю страну, рабочие распевали песню "Отец убит людьми Пинкертона". "Фрик ответственен за это преступление, он должен ответить за последствия", – решил Александр Беркман (4).

В план покушения Саша посвятил только Эмму. Первоначально он намеревался воспользоваться динамитом, изготовил 2 бомбы, но испытание прошло неудачно. Он

обратился за помощью к Мосту, попросил у него денег на взрывчатку, но тот категорически отказал. Не стал он помогать Беркману и после покушения, когда Саша был арестован и отдан под суд. Эмма Гольдман сочла действия Моста лицемерием. На одном из публичных мероприятий она подошла к нему и ударила его хлыстом!

Суд приговорил Беркмана к 22 годам каторги, из которых провел в заключении "всего" 14 лет. Ему пришлось перенести за решеткой множество испытаний, включая издевательства и пытки. И без того слабое здоровье Саши было навсегда подорвано, и только благодаря невероятной стойкости и вере в идеалы ему удалось 18 мая 1906 г. выйти на свободу живым. Но годы за решеткой не прошли даром: его мучают депрессии и кошмары; временами он подумывает о самоубийстве.

В анархистском движении, все это время добивавшемся его освобождения, он стал героем. Своим впечатлениям и испытаниям в заключении Беркман посвятил позднее "Тюремные воспоминания анархиста" (1912 г.).

Вернувшись в ряды анархистского движения, Беркман отдает ему все свои силы. Он постоянно ездит по всей стране с лекциями, и собрания с его участием неоднократно разгоняются полицией с применением самой жестокой силы. Его неоднократно арестовывают и задерживают в самых различных уголках США. В 1908 г. Беркман становится редактором журнала "Мать-Земля", который издает вместе с Эммой Гольдман – он до сих пор считается многими лучшим из всех анархистских изданий, выходивших на английском языке. После казни в Испании либертарного педагога Франсиско Феррера (5) Беркман организует ферреровскую школу в Нью-Йорке (1910 – 1911) и преподает в ней. В 1913 – 1916 гг. он выступает организатором десятков манифестаций и митингов в поддержку бастующих, безработных, жертв классовой юстиции, ведет активную антимилитаристскую агитацию, издает журнал "Блэст"... (6)

Решительная схватка между анархистами и американским государством произошла после начала Первой мировой войны. Антимилитаристы, в первых рядах которых были Эмма Гольдман, Александр Беркман и активисты революционного профсоюза "Индустриальные рабочие мира" (ИРМ), пытались не допустить вступления США в военный конфликт. США анархисты и активисты синдикалистского профобъединения "Индустриальные рабочие мира" (ИРМ) вели упорную кампанию против вступления страны в мировую войну. В ходе митингов, лекций и акций протеста и в распространяемой литературе они объясняли свой взгляд на истинный характер и причины конфликта, критиковали милитаризм и вооружения. Власти обвинили рабочих лидеров Тома Муни и Уоррена Биллингса во взрыве бомбы на патриотическом параде в Сан-Франциско 22 июля 1916 г.; первого из них приговорили к смерти, второго – к пожизненной каторге. Беркмана стал инициатором широкой кампании солидарности, которой удалось добиться отмены смертного приговора для Муни. Полиция несколько раз проводила обыски в редакции издания "Блэст" в Сан-Франциско из-за поддержки им Муни и антивоенной агитации. На конференции, организованной в мае 1917 г. в редакции журнала "Мать-Земля", было объявлено о создании Лиги "Нет призыву", и выпущен антивоенный манифест. На митинг лиги в "Гарлем ривер казино" в Нью-Йорке собралось около 10 тысяч человек. Аналогичные акции прошли и в других городах; стали возникать местные отделения лиги. Движение протеста всерьез

взволновало власти; 4 молодых активистов были арестованы за распространение призыва к проведению митинга. Тем не менее, новое собрание в Нью-Йорке 4 июня оказалось также многолюдным, несмотря на явный нажим полиции и провокационные попытки националистов помешать его ведению. На митинге 14 июня полиция произвела массовые задержания, и организаторы решили впредь воздержаться от публичны мероприятий, сосредоточившись на печатной агитации. На следующий день Беркман и Гольдман, как ведущие активисты лиги, были арестованы и обвинены в подстрекательстве к насилию и пропаганде якобы на немецкие деньги. Суд приговорил их к 2 годам тюрьмы и штрафу в 10 тысяч долларов каждого, однако затем их освободили под залог. Затем Беркмана обвинили в причастности к взрыву в июле 1916 г.; ему угрожала экстрадиция, но после энергичной кампании, организованной Гольдман, в ноябре он снова оказался на свободе. 4 февраля 1918 г. Беркман и Гольдман начали отбывать срок приговора (7). Александр оказался в тюрьме в Атланте. Там он попытался заступиться за чернокожего заключенного, над которым издевались охранники, и был брошен в подземный карцер-одиночку.

Осенью 1919 г. Эмма и Александр были освобождены, но их дальнейшее свободное пребывание на американской земле продолжалось недолго. В ноябре власти постановили депортировать их на родину, в Россию, где к тому времени уже бушевала революция, к которой Беркман и Гольдман испытывали самую горячую симпатию. 21 декабря 1919 г. вместе с 247 другими высланными "радикалами" они покинули США. На борту корабля "Буфорд" они прибыли в финляндский порт Ханко, а оттуда 19 января 1920 г. добрались до советской границы. Здесь их встречала делегация, которая доставила их в Петроград, поселив в Доме Советов (бывшей шикарней гостинице "Астория"). Затем в сопровождении Максима Горького Гольдман и Беркман отправились в Москву, где встречались, в частности, с Александрой Коллонтай, Анатолием Луначарским, Анжеликой Балабановой и Лениным, посетили Петра Кропоткина в Дмитрове...

Большевистские власти были любезны, демонстрировали американским анархистам самый радушный прием, но явно не склонны были позволить им включиться в практическую работу "на благо революции". Партийные диктаторы не доверяли знаменитым анархистам. В конце концов, их было решено услатить подальше, что называется, с глаз долой. Беркмана и Гольдман устроили на работу в Музей Революции в Петрограде, а летом 1920 г. отправили в поездку по Югу России и Украине – собирать документы и материалы по истории революционного движения. В ходе этой поездки они увиделись с анархистом Иосифом "Эмигрантом", участником махновского движения, и с женой Махно, Галиной. Планировалась встреча с самим Нестором Махно, но она тогда так и не состоялась (8). Затем осенью американские анархисты совершили поездку по Северу России, а после смерти Кропоткина, Беркман был секретарем комитета по организации его похорон, которые прошли в Москве 13 февраля 1921 г.

Читая дневник, который Беркман вел в Советской России, легко увидеть, как на его глазах рушился "большевистский миф", вводивший в заблуждение многих революционеров по всему миру. Именно так и озаглавил Александр позднее издание своих российских записок (1925 г.). Сдержанное описание встреч и увиденных картин, переданные на страницах дневника беседы с самыми разными людьми – политическими активистами и обычными жителями различных убеждений – дает неповторимое представление об упадке и гибели

революции: бюрократизме, произволе начальства, репрессиях, удушении самодеятельности и инициативы "снизу" под прикрытием "революционной необходимости"... Это был явно не тот социальный переворот, к которому всю жизнь стремился Беркман и за который он боролся.

Особое место в дневнике занимают воспоминания о Петрограде в период Кронштадтского восстания 1921 г. (включены в настоящее издание). Находясь в это время в городе, Александр Беркман и Эмма Гольдман находились в Петрограде и тщетно пытались уговорить большевистские власти пойти на мирное урегулирование с восставшими. Вместе с анархистами Н. Перкусом и М. Петровским, они направили письмо председателю Петроградского Совета Григорию Зиновьеву, в котором выразили понимание причинами недовольства рабочих и матросов и призвали разрешить конфликт "не силой оружия, а путем заключения товарищеского революционного соглашения". Однако их предложение о направлении в Кронштадт комиссии для переговоров с включением в ее состав анархистов осталось без ответа (9).

Летом 1921 г. Александр Беркман пытался содействовать освобождению 13 российских анархистов, объявивших голодовку в советских тюрьмах. Он помогал ввести в курс происходящего европейских анархо-синдикалистских делегатов, которые присутствовали на конгрессе Профинтерна в Москве. По их настоянию, российские власти приняли решение об освобождении арестованных и их высылке из страны. Беркман отказался одобрить это решение и подписать призыв к прекращению голодовки: он в принципе возражал против депортации (10).

Положение Беркмана и Гольдман в Советской России становилось все более шатким. Наступили "серые" дни расстрелов. "Угольки надежды умирают один за другим, – записывал в дневнике Александр. – Террор и деспотизм сокрушили жизнь, рожденную в Октябре. Лозунги революции отрицаются, ее идеалы потоплены в народной крови... Диктатура топчет ногой массы. Революция мертва; ее дух вопиет в пустыне... Я решил покинуть Россию" (11).

В декабре 1921 г. Эмма и Александр навсегда уезжают из России. Вместе с ними страну покидал российский анархо-синдикалист Александр Шапиро, будущий генеральный секретарь анархо-синдикалистского Интернационала (Международной ассоциации трудящихся, М.А.Т.). Благодаря помощи Анжелики Балабановой, они смогли выехать по латвийской визе. В Риге они обратились к мировому пролетариату с призывом помочь товарищам, репрессированным в России. После недолгого задержания латвийской полицией им удалось, при помощи шведских анархо-синдикалистов, добраться до Стокгольма. Оттуда их путь вел в Берлин...

Но и покинув Россию, Беркман не забывал о том, что оставалось позади. Как и Эмма Гольдман, он активно включился в разоблачение "большевистского мифа", рассказывая революционерам мира о реальном положении дел в стране, находившейся под властью большевиков. Тем самым, он внес заметный вклад в избавление анархистов и синдикалистов от российских иллюзий и в размежевание между анархо-синдикализмом и большевизмом. Одна за другой выходят его книги "Российская трагедия" (1922), "Российская революция и коммунистическая партия" (1922), "Кронштадтское восстание" (1922).

Российские товарищи передали Беркману мандат на представительство в Европе Московского комитета помощи арестованным и сосланным анархистам и анархо-синдикалистам. Поддержка анархистов и других левых активистов, репрессированных большевистской властью, стала одним из главных дел Александра. В 1923 г. он стал одним из создателем и фактически руководителем Объединенного комитета защиты арестованных революционеров в Советской России, а в 1926 г. – секретарем созданного М.А.Т. Фонда помощи анархо-синдикалистам и анархистам в российских тюрьмах и ссылках. Фонд собирал средства для пересылки заключенным, издавал до 1932 г. бюллетень на различных языках, публиковал списки заключенных и организовывал международные кампании за их освобождение (12). В 1925 г. Беркман помог Нестору Махно совершить побег из больницы Данцига, где ему грозил арест, в Германию (13).

В 1925 г. Александр переехал во Францию. В мировых анархистских кругах он пользовался огромным авторитетом. В 1926 г. к нему обратилась Еврейская анархистская федерация Нью-Йорка с просьбой написать популярную книгу, которая могла бы стать своего рода введением в теорию и практику анархизма. Работа продвигалась с трудом. Как отмечает биограф Эммы Гольдман, Элис Векслер, Беркман страдал от неуверенности и просил Эмму, которая в это время находилась в Канаде, приехать и помочь ему дискуссиями и предложениями (14). Вернувшись в начале 1928 г. во Францию Гольдман, внесла "заметный вклад" в книгу. Беркман опасался, что будущая революция не сможет основываться на анархистских принципах и снова, как в России, приведет к диктатуре. "Хотя Гольдман попыталась воодушевить Беркмана, ее меньше интересовала выработка новой революционной стратегии, нежели выражение общих анархистских принципов. Она в особенности побуждала его заново определить революцию как "процесс реконструкции, а не, как мы полагали до сих пор, процесс разрушения"..." (15).

Написанная в итоге книга стала, таким образом, плодом совместной работы Александра и Эммы. Она вышла впервые в 1929 г. двумя изданиями (одно – под названием "Что такое коммунистический анархизм", другое – "Сейчас и потом. Азбука коммунистического анархизма"). Известный исследователь истории анархизма Пол Аврич назвал эту классическую работу "наиболее ясным изложением коммунистического анархизма на английском и любом ином языке" (16).

С момента первого выпуска книга неоднократно переиздавалась на различных языках. Издательская судьба ее не проста. В варианте 1929 г. была 31 глава; в первоначальном виде работа состояла из трех частей: "Теперь" (критика существующего общества), "Анархизм" и "Социальная революция". Однако в 1942 г. книгу издали в Британии под заглавием "Азбука анархизма", включив в нее только вторую и третью часть (17) (именно этот вариант переведен сейчас на русский язык и включен в настоящее издание). В дальнейшем "Азбука" издавалась как в "расширенном", так и в более "узком" варианте...

Жизнь в изгнании была очень нелегкой. Беркману приходилось переезжать из города в город (Париж, Сен-Тропе, Ницца...); в мае 1930 г. власти выслали его из Франции в Бельгию, и ему удалось вернуться лишь в ноябре того же года. Здоровье постоянно ухудшалось, особенно с 1934 г., но Александр пытался скрывать это от родных и друзей, одновременно борясь с нарастающей депрессией. После двух тяжелых операций, страдая от невыносимых

болей, ночью 27 июня 1936 г. он попытался покончить с собой, выстрелив в себя из револьвера. Смертельно раненого, его доставили в больницу в Ницце, где он на следующий день умер, успев попрощаться со срочно приехавшей Эммой. 30 июня 1936 г. на кладбище Кокад в Ницце состоялись скромные похороны революционера Александра Беркмана. В последний путь его сопровождали немногие товарищи и друзья – Эмми Экштейн, с которой он жив в последние годы, Эмма Гольдман, Майкл Кон, еврейский писатель Шолем Аш... Дружба с Беркманом, писала позднее Гольдман друзьям, – "это сокровище, которое я спасла в моей долгой и горькой борьбе" и которое придавало смысл и направление ее жизни... (18)

Менее чем через две недели, в ответ на военный путч, в Испании началась социальная революция. В ходе ее сотни тысяч анархо-синдикалистских рабочих и крестьян попытались осуществить тот либертарный коммунизм, который столь ярко и убедительно описал в своей книге Александр Беркман. Но этого ему, увы, уже не суждено было увидеть...

Вадим Дамье

Примечания:

- (1) Цит. по: Walter N. Introduction // Berkman A. *The Bolshevik Myth*. L.; Winchester (Mass.): Pluto Press, 1989. P.XVII.
- (2) Об Эмме Гольдман см.: Гольдман Э. *Анархизм*. М.: "ЛИБРОКОМ", 2011.
- (3) Goldman E. Alexandre Berkman // *Itinéraire: Une vie, une pensée*. 1990. No.8 (Emma Goldman). P.9.
- (4) *Wer war Alexander Berkman?* // Berkman A. *ABC des Anarchismus*. Berlin: Klaus Guhl Verlag, o.J. S.108.
- (5) О Франсиско Феррере и его взглядах см.: Феррер-и-Гуардия Ф. *Современная школа*. М.: "ЛИБРОКОМ", 2012.
- (6) В[ecker] H. Alexandre Berkman. *Itinéraire: Une vie, une pensée*. 1990. No.8 (Emma Goldman). P.10.
- (7) Goldman E. *Living my life*. New York, 1931. P.485, 496 – 499, 501, 504, 508, 513 и далее.
- (8) Berkman A. *The Bolshevik Myth...* P.196; Wexler A. *Emma Goldman in exile: from the Russian Revolution to the Spanish Civil War*. Boston: Beacon Press, 1989. P.42.
- (9) Berkman A. *The Bolshevik Myth...* P.301–302.
- (10) См.: Дамье В.В. *Берлинский центр российской анархистской эмиграции // Прямухинские чтения 2009 года*. М.: Типография "Футурис", 2011. С.60–62.
- (11) Berkman A. *The Bolshevik Myth...* P.318–319.

